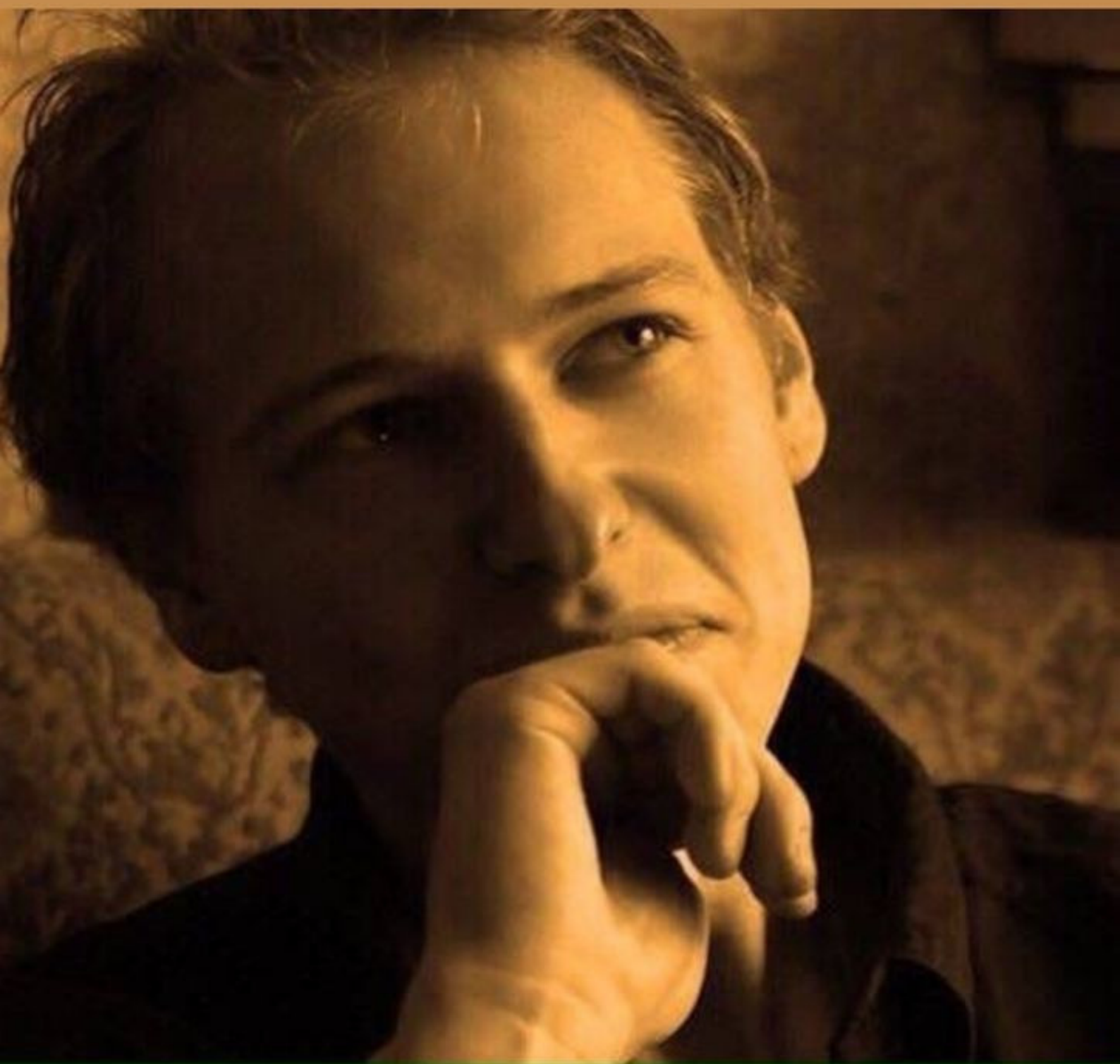

18+

Павел Шалагин
Точка невозврата фантазий

Стихи-2018

Павел Шалагин

**Точка невозврата
фантазий. Стихи-2018**

«Издательские решения»

Шалагин П.

Точка невозврата фантазий. Стихи-2018 / П. Шалагин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937448-6

«Настоящее творчество никогда не является актом холодного расчёта. Люди не просыпаются утром с мыслью: «Какой сегодня хороший день! Почему бы мне не стать поэтом?». Нет. Это всегда происходит спонтанно. И оттого — искренне. Само человеческое сердце диктует слова, которые ложатся на бумагу, чтобы стать шедеврами. Какой вид творчества самый простой? Поэзия. Ведь каждый хоть раз в жизни, да писал стихи. Самый сложный? Поэзия. Потому что мало у кого это действительно хорошо получалось». Павел Шалагин Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-937448-6

© Шалагин П.
© Издательские решения

Содержание

Точка невозврата фантазий ^{0в,}	6
Граф	7
^{0в,}	10
^{0в,}	11
^{0в,}	13
^{0в,}	14
^{0в,}	15
^{0в,}	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Точка невозврата фантазий Стихи-2018

Павел Шалагин

© Павел Шалагин, 2020

ISBN 978-5-4493-7448-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

°в,

© Павел Шалагин 2018

https://www.instagram.com/paul_sha/

https://vk.com/paul_sha

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 2018

Точка невозврата фантазий^{о_в}

Жалко жизни своей не прожитой,
Жалко песен своих не спетых —
Что меня так и не размножили
На компактках и на кассетах!
^{о_в}
Дорогой друг,

Стихотворение выше я написал, когда мне было 16 лет. С тех пор не так много помнялось, однако ж с уверенностью можно сказать одно: доказательство моего размножения ты сейчас держишь в руках. И за это хочется поблагодарить многих и многих людей, и в том числе тебя. Да-да, именно тебя! Потому что если бы не ты, этой книги бы никогда не состоялось. А так, я надеюсь, что строчки, напечатанные на этих листах, найдут свой отклик в твоём сердце.

*Искренне твой,
Павел Шалагин*

Граф

Я гляжу на тебя и вижу внутри целый мир,
Хотя ты не Будда и даже совсем не кумир
Девчонок, что стайками ходят платки тебе —
Они любят кого угодно, но не тебя.

А в тебе по утрам резвятся большие киты.
Никто не узнает, каков настоящий ты,
И даже не вспомнит реальный цвет твоих глаз.
Ты вызреваешь долго, словно алмаз,

И вскоре станешь самым огромным бриллиантом.
Все будут восхищаться твоим талантом,
Но это потом, а в данный момент ты таков:
Скарамучча, паяц, пересмешник и скоморох.

Ты спишь на полу в своей одинокой квартире
На стенах фотографии тех, что тебя позабыли,
А ты их хранишь, как опавший осенью лист.
Люди читают тебя и думают – ты скандалист,

Но ты просто душа неизвестного ныне покроя,
Ты ищешь покой, не зная, что это такое,
И в каждом движении твоём есть особая стать.
Ты летишь высоко, забыв, что можно упасть

И разбиться о камни [камней для тебя ведь и нет].
Ты мудр, решителен, светел. Как анахорет
Растишь в себе гармонии дикий цветок.
Мантры читаешь, глубокий сделав глоток

Воды из белой пластиковой канистры
[Абы кого не стали бы брать в артисты...],
И мир зажигает в окнах утром рассвет —
Выходит курить на лестницу сонный сосед,

И ты ему радуешься, точно родному.
Ты живешь, как живешь, не думая жить по-другому.
И жизнь для тебя – это просто такое кино.
Ты в нем сценарист и актер. И всё равно

В каком жанре будет снята эта картина
[Даже если в кресло усядет сам Тарантино].
Тебя непременно в конце ждет «happy end».
Ты оформляешь памяти яркий стенд

И приглашаешь друзей на огонек.
Люди приходят, и многим из них невдомёк,
Что ты ради них отключаешь свои фаерволы —
Ты как директор самой мистической школы,

В которую просто так никого не берут
[Не Хогвартс, конечно!]. Ты хочешь уехать в Бейрут
Или в Куала-Лумпур, чтоб узнать то, что скрыто.
Живя не по лжи, ты лелеешь свое корыто

И тебе всё равно – цело оно, разбито...
[Это не важно]. Из рюмки уже отпито.
Снова налито. Веня звучит: «Маргарита...» —
Ты делаешь громче. Плохое враз позабыто!

Всё на местах – спутники вновь на орбитах.
Ты удивляешься тем, кто прячет обиду
И резко проводишь рукою по волосам.
Сложив ладони, молитву шлешь небесам

И небо, наверное, что-то тебе отвечает.
Ты крепкий чай завариваешь ночами,
И под свечами молча сидишь в тишине,
Сочиня сказки о радужном завтрашнем дне.

Наблюдать за тобою – это словно петь песню,
С каждым куплетом становится всё интересней.
«Что будет потом?», – спрашивают у тебя.
Ты в ответ улыбаешься. Палуба корабля

Никогда не сияет [даже вычищенная до блеска],
Как улыбка твоя. Тут же натянется леска
Дней. И ты, конечно же снова пойдешь по ней,
С каждым шагом делаясь выше, умней и сильней.

С улыбкой, играючи, точно канатоходец,
На краю балансируешь, глядя в глубокий колодец,
А из него на тебя глядит темнота.
Руками своими ты приручаешь кота

И он мягко лежит на коленях забавно мурлыча.
В тебе нет и доли современного китча
И даже зазнайства в тебе нисколечко нет.
Бобы ты из банки по-прежнему ешь на обед,

Говоря всему свету: «Я тобою люблюсь!».
Ходишь гулять на перекрестки улиц —
Там ты устраиваешь маленькие концерты.
Ты будто пришелец с очень доброй планеты,

Где никто никому никогда не умел делать зла.
Ты откалиброван и точен, словно шкала,
Что хранится в палате различных мер и весов.
Распахнув настежь дверь и, отпирая засов,

Ты всего на чуть-чуть приподнимешь завесу
В этот свой мир. Говоришь благодарность лесу,
Уходя туда, где другим тебя не догнать.
Но я всё же верю – ты вернешься опять,

И снова киты в тебе будут утром резвиться,
Ты станешь всё той же – большой и свободною птицей,
И девчонки вокруг, в покое оставив платки,
С трепетом станут касаться твоей руки.

о_вл

Автопортрет

На улице сильно похолодало —
Хороший хозяин собаку во двор не выгонит.
Я прячусь под стеганое одеяло
И жду до последнего – пока чайник почти не выкипит.

Наружу не хочется выбираться —
Делать что-то, опять же – к чему-то стремиться...
Жизнь репродукцией ренессанса
Привела меня к примитивной домашней виселице.

Усталость наваливается камнем,
Висящим на шее, тянущим прямо ко дну —
И объяснить это всё маме
Я до сих пор никак, убей, не могу.

Журавли?! Мне достать хотя бы синицу.
Или любовницу... Хоть стереть бы с чайника накипь!
Я сижу и курю на кровати. Мне тридцать.
Мое имя по-прежнему значитя Павел Шалагин.

о
в
д

Ундина

«Смотри, листва летит вверх», —
Ундина смеется.
И её звонкий смех
Достигает глубин колодца
Души моей.
Эту простую картину
Пальцами на мокром песке рисует Ундина.

Она танцует, как солнечный зайчик, пылая.
Хрупкая, словно ваза династии Мин, и такая же дорогая.
Я люблю ее в сентябре так, как не любят в мае —
Самозабвенно,
Искренне
И души не чая.

А мы пьем чай в нашей продрогшей квартире,
Собираем мои стишки в папку, квасим капусту гирей,
Развешиваем фотки по стенам. И нет больше в мире
Никого, кто был бы так счастлив. Я будто в тире
Попал в десятку даже вовсе не целясь.

Несу околесицу, несу какую-то ересь,
А она улыбается, глядя, как смотрят дети,
Которые точно знают что-то о вечном лете
Где все всегда радостны.

Она моя половина.
Только она – моя неземная Ундина.

Сводит меня с ума [она это умеет!].
Слушает этот стих и внезапно краснеет.
Сладкая, как малина
(Ундина!

Ундина!

Ундина!)

Кожа её пахнет рассветом.
Ундина раздета,
Прекрасна и неповторима.

Проходит три года. Всё также со мною Ундина.
Мы ходим осенью в парк и бросаем листья.
В голову лезут совсем безобразные мысли:
Любить её прямо тут на листве.

Осень резко кончается в ноябре,
И мы, кутаясь в плед,
Плотнее жмемся друг к другу.
Я беру теплый след, беру её тонкую руку,
Смотрю ей в глаза: «Ты станешь моею супругой?»
Она молча кивает. А за окном воеет вьюга.
И мы с ней вдвоём у этой вьюги в плену.

Я ухом своим аккуратно припал к животу:
«Послушай», – очень нежно шепчет Ундина.
Через год беру на руки нашего с нею сына,
Сын также смеется, как смеется в ответ ему мама.
Я люблю их.
Люблю их вечно!
Люблю упрямо!
Люблю их так, как никого на свете!

Следом за сыном ещё появляются дети,
И в тот же парк с ними ходит гулять Ундина.
У нас новый дом, у нас дорогая машина...
Я говорю ей на ухо: «Видишь, листва летит вверх».
Она целует меня.
Она по-прежнему лучше всех!

о_вл

Я в обиду тебя не дам

Знаешь, малыш, я в обиду тебя не дам.
Хоть ты и с виду крут, как последний мамонт,
Ты в жизни был довольно жестоко обманут,
Ибо не знал, что Рай должен строить сам.
Когда-нибудь в реку времени точно канут
Боль и обиды, и прочий ненужный хлам.

Мне бы не стать одной из печальных причин
Опыта преждевременного взросления —
В детстве ведь всё куда проще: «мухи-варенье»...
Сейчас липосакция, ботокс и вечером крем от морщин:
Плачешь в подушку, пишешь стихотворенья,
Но этим не привлекаешь нужных мужчин.

А ты ничего. Не ботан и вроде не мачо —
Что-то посередине, с умением держать удар.
Для романа с тобой нам бы точно стал тесен бульвар,
Будь я немного моложе. А будь я богаче,
То за каждую ночь я платила б тебе гонорар.
И всё бы у нас сложилось, наверно, иначе.

Прошу, не спрашивай, что у меня случилось:
Через какие моря в своей жизни я переплыла,
Чему научилась, какие вела дела,
С кем до тебя я спала, или с кем когда-то встречалась...
Не спрашивай, чтобы я тебе не врала.
Мне сейчас хорошо. Не хочу, чтобы это кончалось.

Если захочешь, то можешь ко мне прийти
В любое время, как дождь приходит в июне.
Я как тот пес – я сразу пускаю слюни,
От, осознания того, что может произойти.
Позвони мне только, пожалуйста, накануне,
Чтобы сердце не разорвалось случайно в груди.

Ты ведь, как бог – я тебе воздвигаю храм
Со статуей во весь рост, стоящей на крыше.
Иногда представляя, что ты от меня когда вышел,
Идешь к той, что моложе, пью пачками фенозепам.
Я боюсь, но так сильно хочу от тебя вдруг услышать:
«Знаешь, малыш, я в обиду тебя не дам».

°_ВJ

Батуми

Ветер пахнет морскойю солью.
Обжигающей сковородой
Жжёт песок. Ноги лижет водою
Дрессированный пёс-прибой.

На обед вновь бутылка чачи
И копчёности у костра...
Этот день – он такой горячий,
Как с Сицилии Cosa Nostra.

Кто свободен – всегда отчаян:
Не боится ударов судьбы.
И зонты для кричащих чаек
Сверху смотрятся, как грибы.

о
в
л

Отпуск

Из стыда, что уехал – связать себе свитер:
Будет, чем греться ближе к зиме.
Где-то на Севере постят в Твиттер,
Что уже соскучились жутко по мне.

А мы пишем одним иероглифом: «Счастье».
На песке. И счастье смывает волной...
Но совсем не хочется возвращаться
Даже в волшебное место «Домой».

°_в_л

Дети больных иллюзий

Да, мы спиваемся, мама!
Методично, жадно, упрямо.
Глядя за горизонт – туда где скрывается Кама.
Дети больших иллюзий – у каждого своя драма.
Мы пьём бешено и окаянно,
Кривя рты, лбом в оконные рамы —
Такова наша здесь пранаяма.
Мы хотим быть любимыми, мама,
Не умея любить. Это странно...
Но так выглядит крест наш и яма.

Мы курим все дни и все ночи.
И нас непонятный точит
Голод [терпеть его нету мОчи],
Но не пищи, а, между прочим,
Духовный – терзающий плоти.
И если кто-то однажды захочет
Нас коснуться – увидит воочию
Грязь ногтей – наших душ обочин:
Там мусор, окурки, прочее...
Но мы дети весны – как Сочи,
Как листья, растем из почек.
Мы цветем, мама, без проволочек!

По венам с утра гоним радость.
Ведь нам немного осталось —
Внутри пустота и усталость,
Словно миг наступила старость,
И порван на клочья наш парус.
Мама, каемся!
Каюсь!
Каюсь!
Мы своих друг за друга в Каунас
Переправили всех спасителей:
Я не знаю уж, Вы простите ли
Нас – безумных детей, но в обители
За забором, чтоб Вы не видели
Растреляли их, как победители,
И теперь опустело гетто...
Но никто не узнает про это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.